

Ему семнадцать
Ей тридцать пять

ДАНИИЛ
СГОРАЕВ

18+

Даниил Сгораев Ему семнадцать, ей тридцать пять

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70546435

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждым творцом двигают эмоции, каждый творец отображает их в своих произведениях – неважно, скульптор это, художник, писатель или актёр. Творчеством могут двигать разные эмоции, но одна из них обязательна в ингредиентах хорошего произведения – страсть. Без страсти невозможна энергия, без энергии невозможна красота. В своём рассказе я пытался передать только одну эмоцию, одно безумное чувство – страсть. Страсть к женщине. Удалось это мне или нет, решать вам. Если вы хоть немного почувствуете ту самую магию, что я вложил в каждую строчку, значит, у меня получилось.

Даниил Сгораев

Ему семнадцать, ей тридцать пять

«Позволь мне забрать тебя в свою страну чудес»

Elvis Drew x AVIVIAN – Where Are You

Он не помнит, когда влюбился в неё. Не помнит, как это произошло, но Он никогда не забудет то, что испытал, когда увидел Её глаза: глубоко в груди будто запели ангелы, и голос их подобно жаркому огню дотрагивался до сердца, больно обжигая его. Но боль была приятной, чертовски приятной, как и Её улыбка, Её замечательная улыбка, способная остановить в венах кровь и в следующую же секунду заставить сердце биться с бешеной скоростью. О, а как падал на Её волосы солнечный свет! Его яркие лучи нежно ласкали чистую кожу, поглаживали её и мягко ложились на светло-русые волосы. В этих волосах хотелось утонуть. Глупо, да, но любовь не бывает здоровой, особенно в первые минуты, когда ты понимаешь: «Вот она. Вот именно мы нужны друг другу». Мимолётная мысль, но зато какая верная! Мысли запутывались друг в друге, спотыкались об чувства, падали в эмоции и захлёбывались в страсти.

Безумие. Когда Они посмотрели друг другу в глаза, безумие обволокло Их сердца. Эта любовь запретна, но запрет

сладок, а потому влечение становилось сильнее. Он и Она растворились в проекции мира, стали ненастоящими, в тот момент настоящими были только глаза – глаза человека, чья душа только что нашла себе подобную. Он и Она превратились в две частички космоса, состоявшие из сумасшествия, страсти, загадки, любви, иллюзии любви, страха, надежды, безумия, загадки и снова сумасшествия. Да, тогда Он попал в Её чары. Он слушал, как Она говорит, впитывал каждое произнесённое слово и тонул в Её откровенном либидо, что сначала заманчиво дотрагивалось до Его собственного, а потом и вовсе слилась воедино.

И Он хочет слиться с Ней. В нечто большее, во что-то такое, чего ещё не видел мир. Их любовь станет легендарной, но настоящая её красота не выйдет за грудные клетки двух сумасшедших. О нет, безумие должно быть интимным. Прелесть безумия расцветает в интиме, скрытом от посторонних глаз. Это знает Он, это знает Она. Он носит подаренный Ею браслет, Она носит подаренное Им ожерелье – символы безумия, разделённого на двоих. Браслет из натуральной кожи опоясывает запястье, вены, по которым бурной рекой протекает горячая, кипящая кровь! А ожерелье... ох, оно греется теплом, исходящим из пылающей жаром груди. Может ли женщина так гореть по мужчине? Может ли она потерять голову и забыть про шрамы на своём теле, бросившись в сильные мужские руки?

Может. Если действительно любит.

И вот Они смотрят друг на друга после полуночи: Он и Она, оба в смятении и предвкушении чего-то грядущего. Они чувствуют вкус друг друга на своих языках, но они даже не соприкоснулись. Языки или Он и Она? Неважно. Всё неважно – море, скалы, город, работа, звёзды, общество, будущее. Последнее с каждой секундой всё больше растворяется в Её глазах. Прошлое ушло, будущее никогда не придёт. Есть только настоящее и точки в предложениях. Именно они помогают не сойти с ума.

Но Её глаза шепчут о другом о том *что всё возможно и ты можешь делать всё что захочешь абсолютно всё даже взять меня ведь ты так давно этого хотел ты столько сделал ради этого момента чтобы просто так стоять и смотреть нет мы жаждем любви знаешь сам но здесь мы только вдвоём так почему бы не сделать то чего мы так хотим*

И Он внимает шёпоту зелёных глаз. Он произносит Её имя – два слога, четыре буквы, и от них по Её спине пробегают мурашки, армия мурашек, мышцы сжимаются и в следующую же секунду расслабляются. Она шепчет Его имя – два слога, четыре буквы, и от них Его сердце сжимается и в следующую же секунду мощным напором выбрасывает кровь в организм.

Воздух горячий. Между Ними температура поверхности солнца, хотя Их губы до сих пор не соприкоснулись – произойди это, земля под ногами загорится, а всё живое на пла-

нете погибнет от мощного взрыва. Ни одна сверхновая не сравнится с той энергией, что сейчас клубится между Ним и Ей. Губы обоих полуоткрыты, глаза полужакрыты, а души... души предстают полностью обнажёнными – со всеми шрамами, уродствами, абсолютно нагие.

Ему семнадцать, Её тридцать пять, но это не мешает Ему прильнуть к Её светлым русым волосам и, чуть наклонив голову, предложить массаж. Она не соглашается и не отказывается. Ответом служат судорожный вдох и закусанная нижняя губа. Её руки тянутся к Его бёдрам, и поначалу Она пытается контролировать своё тело, но в итоге проигрывает, и вскоре пальцы касаются Его туго затянутого ремня, тонкой ткани футболки, кожи, вены, скрывающейся за резинкой трусов.

Полутьма скрывает части Их тел, но Он всё равно видит, как сквозь майку проступают контуры сосков. Её спина выпрямлена, а ноги согнуты и сомкнуты, совсем как у школьницы, внезапно столкнувшейся с месячными. Он аккуратно, невероятно нежно и уверенно берёт низ Её майки и с удовольствием замечает, что Она не сопротивляется, когда Он снимает с Неё лишнюю одежду.

И у ключиц Она Ему помогает. Стягивает с себя майку, не в силах отвести взгляд от Его тёмных глаз. Зрачки расширяются как у наркоманов и на то есть причины – безумие тот же наркотик, и чем больше ты в него вливаешься, тем больше жаждешь его. Секунды превращаются в минуты, но Он и Она готовы стоять так вечно, молча заглядывая друг

другу в душу, поглаживая руки и бёдра. Так приятно выходить за границы нормального! Нормальное скучно, нормальное неинтересно, нормальное посредственно. И только когда человек позволяет себе не притворяться нормальным, он получает истинное удовольствие от жизни. А если безумие разделено на двоих... и клубится только в интиме, не выходит за границы двух сердец... это настоящее счастье.

Он и Она давно мечтали друг о друге, даже не подозревая этого. И сейчас, закрывшись в одной из комнат, тьму в которой разбавляет приятный фиолетовый свет лампы, Они тяжело дышат, пока Их грешные сердца бьются в одном ритме. Фиолетовый стелется по Её коже, проникает в зелёные глаза, и теперь они не зелёные, нет, они становятся чёрными от расширяющихся зрачков. *«Ты мне нравишься»*, – говорят они. Кажется, в них умещается вся галактика, вся солнечная система, все звёзды, планеты, метеориты, бьющиеся о радужку, но больше всего места там оставлено для него. Он желает провалиться в эту тьму, и желание это подталкивает Его к Ней, сближает Их, делает сухое мокрым, а холодное – горячим.

Их губы почти соприкасаются – души воют, запертые в грудных клетках, – но в самый последний момент Она поднимает руку и останавливает Его. Говорит: «Только массаж». Им нельзя делать то, что Они хотят сделать, и Она понимает это. Чуть отстраняется от Него, старается совладать с собой, но чем сильнее Её контроль над телом, тем отчаяннее оно

жаждет вырваться на свободу. Их любовь запретна, их любовь не здорова, их любовь следует придушить, пока она не переросла в нечто большее. Общество осудит, люди не поймут, но плевать, они и не узнают. Он не разболтает, Она не расскажет. Они утонут в интиме, доверившись друг другу, и то, что Они сделают, не выйдет за рамки Их очень странных отношений. Ему семнадцать, Ей тридцать пять, и оба Они тонут в либидо друг друга.

«Только массаж», – повторяет Она и ещё больше отстраняется от него. Шёпоту в Её голосе не удаётся скрыть нотки похоти, которая так давно не разгоралась в груди! Да и не только в груди. Приятная дрожь пронзает тело с головы до ног, накатывающими волнами пробегает под кожей, Она чувствует влечение (к Его мышцам, телу, губам), но сдерживает себя, потому что так нельзя, нет, нельзя, вы что, мы же приличные, мы нормальные, мы скучны, мы скованны, мы боимся безумия и не хотим впасть в него, даже на секунду, даже если очень-очень хочется.

А Ей отчаянно хочется впасть в безумие. Вместе с Ним. Забыть обо всём и слиться с Ним воедино – в полутьме, в симфонии стонов и трения влажной от пота кожи.

Но Она повторяет: «Только массаж», – и отдаляет момент Их слияния. Она жаждет Его, но что-то (что-то из здравого смысла) заставляет её сомневаться. Она уже без майки, стоит перед Ним, на торсе один лишь бюстгальтер, который вдруг стал очень тесным. Но Он смотрит не на грудь, а в глаза, в зе-

лёные глаза, в которых слились все красоты природы: огонь, вода, союз льда и пламени, жары и холода, здравости и безумия. Он еле заметно кивает, соглашаясь только на массаж, и вскоре Она медленно, будто специально растягивая процесс, ложится на кровать. Её светло-русые волосы расстилаются по спине, и с часто бьющимся сердцем Он берёт их и разводит в стороны, так что ни один волосок не остаётся лежать на спине.

Она спрятала руки под подушкой, наверняка потому, что еле с ними справляется. Голову повернула налево, лицом к Нему, но глаза закрыла, словно боится, что один Его вид сорвёт с цепи Её сознание и возбудит нечто дикое, что никак не присуще нормальным людям. Он смотрит на Неё несколько секунд и понимает... понимает, что проделал всё это не зря. Игра стоила свеч, и Её обнажённая спина горит для Него ярче самого мощного пламени. Так долго...

Так долго...

И наконец этот момент наступил.

Словно во сне Он касается пальцами мышц спины, и реальность тут же взрывается красками, когда от Его касания в полутьме раздаётся судорожный вдох. Вены натягиваются подобно канатам. Он не массажист, даже не мастер, но Он полон любви, а порой любовь способна сделать невозможное, поэтому Он и начинает делать массаж. Он чувствует, что доставит Ей удовольствие, что оба Они вкусят частичку космоса и разбавят её ощущениями друг друга. Тёплыми паль-

цами Он вновь проводит по спине и останавливается у шеи.

Его ладони обнимают Её плечи и начинают медленно, очень медленно скользить по коже, разогревая мышцы. Из Её прижатой к кровати груди вырывается стон и тут же растворяется в густом фиолетовом свете, что уже переходит в сладкий малиновый, настолько сладкий, что вкус сахара мерещится во рту, выделяется слюна, повышается температура.

Он разминает её позвоночник.

Он вспоминает – и вспоминает с теплом, – как впервые увидел Её улыбку: в тот момент вода Тихого океана омывала Её щиколотки, сама Она скакала по песку, прыгала как маленькая девочка и улыбалась! Господи, как Она улыбалась! Хоть уже тогда Ей и шёл четвёртый десяток, одна эта улыбка превратила Её в у юную девчонку, что скакала на волнах океана, застенчиво смеясь под густыми облаками. Как весело поднимались и опускались Её волосы! Светлые пряди, будто сотканые из тонких нитей золота, что плавно переливались в тёмную медь ближе к корням... Какой счастливой выглядела Она в тот день, на берегу Тихого океана, в своём чёрном костюмчике, скрывавшем почти всё тело.

Но сейчас на Ней только джинсы и нижнее бельё. Тёмный бордовый бюстгальтер становится чёрным в фиолетово-малиновом свете, но теперь Он фокусируется не на текстуре, нет, на чём-то большем, неосязаемом, возвышенном. Он чувствует, как Её душа застенчиво касается его собствен-

ной. «А Он выйдет погулять?» – спрашивает она. И в ответ пальцы сильнее вдавливаются в мышцы, даря вспышку приятной боли. А вслед за вспышкой по телу растекается слабая дрожь, вибрация.

Они тонут в массаже, выпав из мира, полном глупости и рациональности. Они тонут в массаже, забыв о своём прошлом, раздев друг перед другом души, выставив напоказ каждый шрам. Они тонут в массаже и хотят захлебнуться, ведь страсть и любовь теперь обволакивают Их.

Он переходит к лопаткам, стараясь не касаться лямок бюстгалтера. Никогда Он и подумать не мог, что самой красивой картиной в своей жизни посчитает распущенные на кровати светлые волосы. Волосы конкретной женщины, девушки, маленькой девочки. Её красота неосязаема, она проступает не в лице, не в формах тела и даже не в глазах, хотя в них кроется другая красота – красота природы. Душа – вот что прекрасно в этой женщине. Он чувствовал Её, когда был рядом, чувствует Её и сейчас. Его притягивает Её тело, да, но вот то, что находится внутри этого тела... эта неосязаемая энергетика... околдовывала. И пусть подобное выходит за грани нормы, именно странность отношений подливала масла в огонь. В мощнейший, переходящий в пожар огонь.

Наконец Он осмеливается сделать ещё один шаг. В полутьме наклоняется (малина, сирень, сирень и малина) и прямо над Её головой шепчет: «Могу я расстегнуть бюстгалтер? Я хочу сделать тебе хороший массаж». Несколько се-

кунд, минуту, две минуты тишину мира разбавляют лишь вдохи и выдохи двух влюблённых сумасшедших, что потерялись в собственных чувствах. Она не хочет отвечать, потому что любой ответ приведёт к определённым последствиям: нет – между Ними дрогнет то, что только зарождается, да – Они переступят грань дозволенного и сделают то, что никак нельзя делать.

И поэтому Она говорит: «Да». Очень тихо, но Он всё равно Её слышит, читает движения губ, движения души. Она говорит: «Да», - и тут же замолкает, испугавшись того, что сказала. Мосты полыхнули. Сначала во тьме вспыхнула искра, потом из-за карих глаз она превратилась в огонь, пламя, пожар. Он сжигает за собой всё, абсолютно всё: правила, которым необходимо следовать, какие-то устои, принципы, традиции. К чёрту всё! Пожар поглощает мосты, и запах этой гари безумно, безумно приятен. Он заставляет Её ещё раз сказать: «Да», – и Она соглашается, соглашается, соглашается – даже тогда, когда Его руки уже у застёжек.

Малиновый свет целует Её в спину в тот момент, когда лямки бюстгальтера опускаются на постельное бельё.

И теперь перед художником предстаёт чистый холст, полотно, на котором чувствами можно нарисовать историю, написать её, изобразить, ведь полотно это полностью доверяет своему творцу.

Мужские руки притягиваются к обнажённой женской спине, вновь дотрагиваются до тёплой кожи и продолжают

разогреть мышцы. Медленно, плавно, растягивая удовольствие, оттягивая фонтан наслаждения как можно дальше. Вдвоём Они слушают друг друга, не произнося ни слова, и в наступившей тишине чувствуют Они себя... счастливыми. Такие разные, такие непохожие, такие странные... оба Они сейчас рядом друг с другом, и близость каждого из них непомерно греет сердце. Жизнь раскинула Их на тысячи километров, судьба поглумилась, позволив Им родиться в разные времена, Их истории вообще не должно было быть, но тем не менее Они встретились, встретились ещё и... влюбились. Влюбились так, как не влюблялся никто на свете. Они живут в двадцать первом веке, ещё до Их появления о любви рассказали всё что только можно рассказать, но нет, нет, нет, нет... *нет...* безумие ИХ любви не описывалось ни в одном произведении. О подобной любви не мечтал Шекспир, он даже представить не мог подобную бурю, русские классики создали бы больше шедевров, если б увидели ИХ любовь, почувствовали её. Художники и режиссёры, когда-либо жившие на этой планете, учёные и скульпторы, творцы, великие, посредственные, забытые и запомнившиеся – все они и подумать не могли, что в мужчине и женщине может родиться ТАКАЯ любовь. Слишком громкая в тиши, слишком тихая в шуме. Бескрайность космоса смешивается с ограниченностью человека, и создаётся нечто новое, прекрасное, непоколебимо сильное. Крепкие отношения вырастают только из почвы, подвергшейся самым ужасным погодным условиям.

И всё равно почва остаётся плодородной – именно забота о ней даже в бури помогает взрасти цветкам любви. А Он заботился. Она заботилась. Они оба возвращали в своём саду прекрасные цветы, и не забрасывали его, когда весь он почти покрывался сорняками.

А Её улыбка... Боже, Её улыбка не выходит из головы.

Он слышит хруст хрящей под своими пальцами и только сейчас понимает, что движения Его стали жёстче, менее нежными, более грубыми. И Ей это нравится. Её стоны так же растворяются в бледной темноте, но теперь в их окончаниях есть что-то ещё, какая-то недосказанность, просьба, жажда, требование. Не останавливаться. Продолжать. Ниже. Жёстче. Иногда нежнее. Ниже. И не произносить ни слова. Только дышать, дышать, дышать и делать массаж, приближая и отдаляя взрыв наслаждения.

Ниже.

Жёстче.

И нежнее.

Он переходит к пояснице, не забывая время от времени поглаживать талию.

В Петербурге давно, очень давно наступила ночь. Небо над городом засияло звёздами, которыми наверняка сейчас любуются влюблённые, вышедшие на крыши жилых домов. Но Им звёзды не нужны, нет, им достаточно сияния друг друга, ослепляющего света, в лучах которого хочется утонуть и раствориться. Каждый из Них излучает свет, что лечит дру-

того, а не испепеляет его, как это часто бывает в современном мире. Она видела Его шрамы, Он видел Её. Дотрагивался до них. Видел историю. И влюбился в них – в эти следы на её душе, оставленные другими, порой ужасными людьми. Его влечёт Её тело, Его влечёт Её душа, и ни одна другая, что существовала или будет существовать на Земле, даже рядом не встанет с тем, что в Ней видит Он.

И только Он.

Она произносит Его имя: два слога, четыре буквы, столько любви... На миг Его руки замирают, замирает сердце, замирает всё вокруг. Он слышит, как тяжело Она дышит, но даже эти вдохи и выдохи не мешают Ей повторить Его имя. На последнем слоге голос Её, обычно твёрдый и хорошо поставленный, спотыкается и проваливается в жалобный стон, что сразу доходит до адресата. Цепи сорваны, наконец-то. Необходимость быть нормальным отпала, наконец-то. Нормальность – это грех, нормальность – это ужас, придуманный скучными людьми для скучных людей в скучном мире. Ненормальность – вот в чём нуждается вселенная. И когда мужчина и женщина понимают, что нет смысла скрывать друг от друга безумие, рождается нечто новое.

Прекрасное.

Неповторимое.

Чудесное.

Он произносит вслух Её имя: два слога, четыре буквы, один выдох. Вместе с новым вдохом в Его лёгкие проникает

аромат Её пота, но он не противен, нет, даже приятен. Пот выступает в роли масла, геля, смазки, так что массаж становится приятнее, а пальцы скользят легче, ладони дрейфуют по коже, пока мышцы напрягаются и расслабляются, напрягаются и расслабляются, напрягаются и... *расслабляются*.

Он пропускает ягодицы и переходит к ногам.

Малиновый свет потихоньку превращается в тёмно-бордовый, так что когда Он наклоняется к Её голове, светлые кончики волос кажутся не золотыми, а такими же медными, как у корней. Он склоняется над самым ухом и просит Её позволить Ему снять джинсы. Чтобы сделать массаж. Качественный массаж. Джинсы этому только помешают.

Она молчит, не в силах вымолвить ни слова, ни даже тихого-тихого стога. Призраки здравомыслия ещё бьются в Её сознании, пытаются завладеть им! Но запах гари от пылающих мостов... жар черты, которую Они переступили... безумие, которым Они заполняют друг друга... уже слишком поздно поворачивать назад. Если нырять в омут, то сразу с головой, наплевав на всё остальное, на весь мир, космос, галактику, вселенную, всех нормальных, скучных, посредственных, утомляющих. Безумие не утомляет, оно вдохновляет, и именно под его дуновением в мире появлялись, появляются и будут появляться шедевры, произведения искусства, дотрагивающиеся до самой души. Скука ведёт к смерти, страсть – к жизни. И если в наше время каждый второй непомерно скучен, почему бы не быть таким страстным, что-

бы перекрыть собой полмира?

Общество обязывает быть скучным, придумывает правила для скучных, развлечения для скучных и осуждает тех, кто стремится выделиться. Но здесь Они только вдвоём, без общества, без других людей, только Он и Она, две грязных души, что жаждут очиститься в свете друг друга. Она чувствует, что контроль покидает Её, и лишь радуется этому. Шаг в бездну. Нет, не просто шаг. Она окунается в бездну с головой, проваливается в неё, раз, два, три, тьма становится гуще, движения жёстче, кожа увлажняется, всё вокруг увлажняется, всё уменьшается, взбухает, сжимается и снова взбухает подобно почкам на деревьях в начале мая. Но пахнет не свежестью, а потом: Его и Её. Потом сладким и солёным одновременно, таким, какой выступает только во время трения двух горячих, пылающих жаром тел. И сквозь поглощающую сознание тишину Она вновь слышит просьбу. Позволить Ему снять с себя джинсы? Чтобы сделать массаж? Качественный массаж? Конечно нет! НЕТ! Ему семнадцать, Ей тридцать пять, Их союз возможен только в фантазиях, но не в реальности, нет, точно не в реальности. Она не имеет права позволять Ему так себя вести, Она должна быть умнее, мудрее, взрослее, со временем все эти чувства пройдут, всё угаснет, Она остынет и будет жалеть о содеянном, поэтому всё стоит прекратить сейчас. Да, остановить Его. Нужно быть мудрее.

И Она говорит: «Да». Руки сами тянутся к джинсам, паль-

цы находят пуговицу, расстёгивают её, находят молнию, расстёгивают и её, а губы в этот момент шепчут: «Сними их с меня». Кожа сгорает от жара души. Мир утопает в бордовом, кровь в сосудах тоже становится бордовой, каждая частичка вселенной – от пылинки до сверхновой – пропитывается бордовым. Они могут себе это позволить, могут насладиться друг другом, и плевать на остальных! Хоть одну ночь Он и Она могут провести так, как хотят. Жажда – вот что всегда двигало человеком. А жажда, разбавленная любовью, способна сделать невозможное возможным, невысказанное мыслимым, а мечту – явью.

Жаждающий всегда добывается своего.

Он берёт края джинсов и начинает медленно стягивать их вниз, слыша и чувствуя, как жёсткая ткань трётся об кожу. Бордовый свет тут же ложится на упругие ягодицы. На мгновение мужские руки замирают, но уже в следующую секунду продолжают скользить вдоль женских ног, освобождая их от ненужной одежды. Её колени слегка подгибаются, Он чувствует Её запах, простыня становится мокрой, мятой. Всё становится бордовым. Их души окрашиваются в бордовый, и после того, как джинсы наконец оказались на полу, всё Её тело сияет тёмно-бордовым. Спина поднимается при вдохах, опускается при выдохах, вся планета дышит вместе с Ней, внимая ритму пылающего сердца. Глаза, что покорили Его при первой встрече, закрыты, губы полуоткрыты, и кажется, словно во тьме между ними прячется магия, всё самое

волшебное, что когда-либо было во вселенной, сокровенное, тайное, вземное, сверхъестественное. Именно в этой тьме меж Её полуоткрытых губ умещаются рай и ад, солнце и луна, наслаждения и муки, холод и жар. Всё, что только может придумать человек, есть в губах этой женщины.

Этой музы вселенной, которой вдохновляется сам Бог.

Они одновременно шепчут имена друг друга: два слога, четыре буквы, столько любви... Его пальцы разогревают Её мышцы на ногах, ладони скользят по коже, по такой гладкой коже, целовать которую хочется вечность – одну, две, три – слегка покусывать и облизывать, слушая и слушая тихие стоны, что с каждой секундой становятся громче. Она сжимает подушку, уже влажную подушку и закусывает губы от безумной, безумной, безумной дрожи! Дрожит каждая клеточка Её тела, волны невидимых мурашек проносятся под кожей, на коже, в самих мышцах, мурашки заполняют собой весь мир, а потом на смену им наступает влага. Мокро... очень мокро... Так мокро, что можно поскользнуться, упасть и больше не подняться. Альвеолы лёгких наполняются ароматом страсти, пока Его руки – Боже, какие сильные у Него руки! – ласкают Её в тех местах, где Она никогда бы не позволила себя ласкать, но всё равно это происходит. Безумие... да, ради него стоит жить. Достаточно всего один раз отдаться безумию, чтобы познать его цену. К чёрту весь мир, к чёрту всех людей, к чёрту общество и остальное! Эта ночь принадлежит только Им. Этой ночью Они нарушат правила.

Этой ночью Они сделают то, что никогда не делали...

...и испытают то, что никогда не испытывали.

Тёмный бордовый свет становится ярче, и теперь ноги вселенской музыки, Её ягодицы утопают в артериально-красном. Цвет страсти, цвет ревущего огня, цвет чистого безумия. Он окутывает Его руки и проникает в плоть, затем в душу, а потом в то, что находится под душой. Щекочет... Играет... Подталкивает... Он наклоняется и нежно целует Её в икроножные мышцы на левой ноге, чувствуя на губах вкус соли. Целует ещё раз, и сейчас Его губы замирают у Её кожи. Колени подгибаются, стоны вырываются наружу, но скоро всё стихает, потому что красный свет проникает в рот, горло, грудь, и теперь высосать его можно только поцелуем.

В маленькой тёмной комнате последний призрак здравого смысла растворяется в красных лучах, и каждая частичка воздуха пропитывается безумием. Честным, осознанным, таким сладким безумием...

Он берёт Её ступни, и улыбка тут же появляется на Его лице, когда Она не выдерживает и взывает в подушку. Пальцы уходят глубже в кожу, мышцы содрогаются. Чувства, непонятные чувства запутываются друг в друге, ударяются об рёбра, натягивают вены и чуть ли не душат. Так, слегка, чуть-чуть придушивают. Будто невидимые пальцы... Сильные мужские руки... Нежные руки... Боже, как долго Её тело не ласкали мужские руки! Раз, два, три – влагу разотри; три, четыре, пять – начинаем целовать; шесть, семь, восемь

– никого не спросим; девять, десять, ноль – грубость, нежность, сладость, боль.

«Тебе приятно?» – спрашивает он, и от этого вопроса, от этого глупого вопроса Ей хочется наброситься на Него и ответить! Ответить так, что с губ Его больше ни разу в жизни не сорвётся подобный вопрос! Приятно ли Ей? Чёрт возьми, да! Да! Да! ДА! Впервые за долгое время Она чувствует себя живой, чувствует себя женщиной, желанной женщиной, *СЕКСУАЛЬНОЙ* женщиной. Она чувствует свою энергетику так же хорошо как и Его энергетику – сейчас они сливаются в нечто единое, целое, неразделимое. И только телесные оболочки отделены друг от друга. Только тела, что блестят от пота в красном, кроваво-красном сиянии.

«Мне очень приятно», – отвечает Она, понимая, что не должна так отвечать. Она много чего не должна, много чего должна и бла-бла-бла. Пусть все «должна» останутся за этой комнатой, а здесь... здесь Она делает то, что хочет, что подсказывает сердце. Горячая кровь, кипящая в пульсирующих венах, грозит вырваться наружу. Как жарко! Как же ЖАРКО! Наволочка на подушке пропиталась потом, простынь под телом мокрая, но влага не пугает, нет, пугает грядущее – то, что может сейчас произойти. Она зашла слишком далеко, но, возможно, ещё есть шанс остановиться? Прекратить это? Поступить правильно и вынырнуть из страсти, избавиться от этого красного света, одеться, уйти и больше никогда не видеть Его карих глаз? Так поступил бы нормальный, здраво-

мыслящий человек, и так надо поступить! Мосты догорают, но пепел ещё не осыпался. Последний шанс, потом можно будет только жалеть!

Но красный берёт своё. Безумие побеждает, страсть утапливает в себе остальные чувства, и их общий крик о помощи звучит сейчас как лучшая во вселенной мелодия. Люди живут один раз, один всего раз, и собственную жизнь они проводят в страхах и сомнениях, вместо того, чтобы делать то, отчего захватывает дух! То, что хочется! Она не собирается быть в числе таких людей. Она умеет ценить шанс, слишком хорошо знает цену возможности, чтобы упустить её. Он всё так же поглаживает стопы, но ситуация меняется, когда они ускользают из Его рук, а их владелица переворачивается на спину. Он и Она смотрят друг на друга. Её обнажённая грудь тяжело поднимается и опускается в красном свете, разгоняющем полутьму, а на подаренном Им ожерелье играют редкие блики. Подаренное Им ожерелье на Её обнажённой груди... подаренный Ею браслет на Его мускулистой руке... Распущенные волосы спадают на плечи, слегка заходят на лицо, стелятся по шее и так заманчиво лежат на простыни, будто подзывают к себе, просят их взять...

Она приподнимается на локте и подгибает колени. Две пары глаз не отрываются друг от друга, их зрачки перекрывают радужку, полностью уничтожают её. Такие разные миры, такие разные истории переплетаются в маленькой комнатушке под пение тишины. Её природные пейзажи, Его го-

родские огни, Её побережья океана, Его бесконечные линии автострад, Её тихий плач в душевой кабине, Его стоны боли после очередной драки – всё это сейчас смешивается в темноте расширяющихся зрачков, пока в грудных клетках расправляют крылья птицы любви – чистой, искренней, той, которой не должно быть. Его лицо ближе, Он наклоняется, Её лицо ближе, Она приподнимается. Вселенная в Её губах расширяется, музыка в душах рождается одной на двоих – симфония безумного союза, подкреплённого бешеной страстью. Тишина заключает Их брак в лучах красного сияния, целует Их макушки, сшивает сердца и сплетает в узел души – в такой узел, что не разрубят топором. Он и Она тонут в магии. Они могут себе это позволить, Они себе это позволяют. Безумие достигло пика, теперь пылают не только мосты, пылает весь мир. И посреди этого пожара Его губы и Её губы соединяются, взрываются все сверхновые во вселенной, а мир сотрясается от природных катаклизмов. Слюни смешиваются, тела становятся ближе, а космос тем временем начинает сжиматься, потому что такого не должно быть, нет, общество же сказало, общество придумало, люди не могут ошибаться.

Но Ему и Ей плевать. Запах гари врывается в Их лёгкие, Земля содрогается от грядущего апокалипсиса, а виновники продолжают целоваться, и слышат Они лучшую в мире песню – стоны друг друга, шёпот имён, слова, которые так давно хотелось сказать. И пусть всё сгорит дотла, Они будут

счастливы.

Они уже счастливы.

Ему семнадцать, Ей тридцать пять.

9 – 13 мая 2021 года